

Так начиналась Чеховиана

Вехи Таганрога, 2007, № 33, С.78-80

Н. Образцова

Член Союза писателей СССР

«...глава о Чехове еще не кончена, ее еще не прочли, как следует, не вникли в ее сущность и преждевременно закрыли книгу. Пусть ее раскроют вновь, изучат и дочтут до конца», - эти слова Станиславского служат напутствием не одному поколению советских чеховедов. Чеховиана ежегодно пополняется новыми и новыми трудами исследователей необъятного чеховского наследия. Но не потерял своего значения поиск и тех ученых энтузиастов, которые первыми включились в эту работу. К их числу принадлежит Сергей Дмитриевич Балухатый.

Уроженец Феодосии, С.Д. Балухатый поступил в Таганрогскую мужскую гимназию почти через тридцать лет после того, как ее окончил Чехов. Отец Балухатого был курьером городской управы, мать - кухаркой в доме одного из таганрогских богачей.

Многое в гимназии еще оставалось по-прежнему: так же выпрашивали гимназисты разрешения на спектакли в театр, так же учили древние языки и писали длинные сочинения на тему «Фауст как мировой тип».

Но атмосфера в гимназии была уже не та. Гимназисты зачитывались Чеховым и Горьким, многие чеховские рассказы заучивались наизусть. В городском театре шли спектакли «Вишневый сад», «Иванов». Однажды на собрании студенческого литературного кружка Сергей Балухатый прочитал чеховский рассказ «Спать хочется». Переживания девочки, задушившей ребенка, он передал с таким чувством, что слушатели были потрясены.

- Читал Сережа замечательно, хотя немного картавил, - рассказывал его одноклассник, таганрогский врач Яков Александрович Абрамович. - От рассказа осталось незабываемое впечатление.

Окончив гимназию с серебряной медалью, Балухатый отправил документы на историко-филологический факультет Петербургского университета. На юридический факультет подал заявление его товарищ - Авдей Гозулов, впоследствии профессор Ростовского финансово-экономического института. Балухатый занялся изучением древнеславянских языков на семинаре В.Н. Перетца.

«- Уже на третьем курсе, - рассказывал Авдей Ильич Гозулов, - Сергей с гордостью показал мне свою работу, напечатанную в трудах университета: исследование из церковно-славянского языка. Я остался равнодушен к его успеху, так как не любил древних языков, но этот первый студенческий труд имел большое значение для Сергея и открывал ему путь к научной работе».

Окончив университет, Сергей Дмитриевич готовился к получению профессорского звания. Он состоит секретарем «Голковой библиографии по истории древнерусской литературы», редактировавший В.Н. Перетцем. Под руководством С.А. Венгерова работает научным сотрудником Книжной палаты. В 1919 году переезжает в Самару, где избирается профессором вновь открытого Самарского университета. И вдруг оставляет педагогическую деятельность и возвращается в суровый Петроград...

Не имея постоянного заработка, терпя материальные трудности и лишения, Балухатый со всей страстью исследователя зарывается в архивы библиотек, разыскивает номера старых

петербургских газет и журналов. С их пожелтелых страниц встает живой, но еще мало известный современнику образ Чехова. Собственно, все началось с Таганрога.

Сергей Дмитриевич знал: в этом городе со старыми заводами, оставшимися от акционерных обществ, с деревянными кинотеатрами и первым народным университетом лежат нетронутые чеховские материалы. Лежат, собранные в ремесленных классах и других учреждениях, книги и письма писателя. К ним еще не прикасалась рука исследователя: советское литературоведение только начало развиваться.

Летом 1920 года Балухатый пришел в Таганрогский музей. Развязывал пыльные, сваленные в кучу пачки книг, фотографий, бумаг... Материалы находились порой неожиданно.

- Знаете, где я эту ведомость отыскал? - рассказывал Сергею Дмитриевичу сотрудник музея. - Иду по базару, вижу, торговка из какой-то папки листы рвет.

Подошел поближе и узнал гимназические годовые ведомости. Перелистал, нашел лист Антона Чехова и купил. А по русскому языку здесь четверка стоит!

Из Таганрога Сергей Дмитриевич отправляется в Ялту. «Все пять дней моего пребывания в Ялте, - пишет он в Таганрог, - я провел в доме Чехова, превращенном в Дом-музей Чехова, с заведующей - Марией Павловной. Встретила меня очень тепло, много расспрашивала о Таганроге... Предоставила мне все материалы, которые еще сохранились в Ялте, и в первую очередь книжный шкаф... В шкафу я разыскал собственноручно Чеховым составленный каталог его библиотеки ...На днях вышлю Вам лично и в библиотеку пятый выпуск рассказов Чехова, мною проредактированных...».

Он работал в музее и следующее лето. Так возникла в «чеховской комнате» Таганрогского музея первая научная экспозиция. В начале 1922 года в петроградском альманахе были опубликованы «Неизданные материалы «Чеховской комнаты» в Таганроге». Это было началом прочной дружбы Балухатого с Таганрогским музеем.

Между литературоведением и археологией есть нечто общее. Во всяком случае, Балухатый как литературовед обладал несомненным чутьем археолога.

- Ты знаешь, Яша, как я разыскал еще четыре чеховских рассказа? - делится он своей удачей с Л.А. Абрамовичем. - Разгадал цифры в записных книжках.

Действительно, никем не замеченные пометки карандашом в записных книжках Чехова оказались номерами газеты «Новое время». С таким же упорством разыскивает Сергей Дмитриевич потерянные строки «Вишневого сада», различные тексты пьесы «Иванов», забытый рассказ «Юбилей»... Его квартира завалена гранками - в печати появляются новые книги Балухатого о Чехове. В 1932 году С.Д. Балухатый совместно с А.В. Луначарским редактирует полное собрание сочинений Чехова.

...Весна 1935 года была в Таганроге жаркой и праздничной. Город был полон звуками новой жизни. За городом, где раньше стояли цыганские шатры, вырос трамвайный парк. Новенькие красные вагоны с оглушительным звоном мчались по зеленым улицам. По утрам над верхушками акаций неслись звуки радио и таяли где-то над морем, сливаясь с заводскими гудками... А в музее до позднего вечера шла работа: скромная «чеховская комната» превращалась в Литературный музей А.П. Чехова, открывалась экспозиция, созданная С.Д. Балухатым.

После юбилейных торжеств, посвященных 75-летию со дня рождения Чехова, Сергей Дмитриевич возвращается в Ленинград. Он продолжает помогать молодому музею, дает практические советы в письмах: «Необходимо приобрести патефон с пластинками и

рассказами Чехова - для будущих экскурсий - и, если будете богаты, то фильмы на чеховские сюжеты».

Напряженную творческую деятельность прервала война. Осенью сорок первого года Сергей Дмитриевич по ночам на крыше своего дома сбрасывал зажигательные бомбы. На рассвете, почти на уровне крыши, в воздухе плавали длинные прозрачные рыбы - заградительные аэростаты. Во время одного воздушного налета в дом попала бомба, начался пожар. Огонь успели потушить, но профессор Балухатый не узнал свою квартиру. Залитая водой из пожарных шлангов, она вся обледенела... Стараясь во что бы то ни стало спасти свою библиотеку и материалы для будущих работ, Сергей Дмитриевич вырубал топором изо льда книги и рукописи и с помощью жены перевозил их на маленьких санках на Васильевский остров.

В 1942 году Балухатый вместе с университетом эвакуируется по ледовой дороге в Саратов. Здесь он много работает как заведующий кафедрой русской литературы Саратовского университета, в 1943 году избирается член-корреспондентом Академии наук СССР.

Вернувшись в Ленинград, Сергей Дмитриевич приступил к редактированию юбилейного собрания сочинений Чехова, но здоровье его было сильно подорвано. Нельзя без волнения читать его последнее письмо в Таганрог, написанное тем же мелким, но уже трудно разборчивым почерком: «Как часто вспоминаю родной город! Но, увы, ни добежать, ни доехать до него сейчас не могу. Здоровье мое пошатнулось окончательно...»

Весной 1945 года над Ленинградом все чаще взлетали салюты, но Сергей Дмитриевич уже не увидел их.

Во время оккупации Таганрога фашисты решили устроить в чеховском доме молельню. Работавшая в музее Анастасия Терентьевна Балухатая решила спасти экспозицию, созданную сыном: она бережно сняла и сохранила все экспонаты. Однако из фондов музея некоторые документы пропали. Так, бесследно исчезла рукопись воспоминаний Сурата - жителя города Ростова, который являлся прототипом героя чеховского рассказа «Перекати-поле». Воспоминания были написаны Суратом в 1929 году, когда Таганрог отмечал 25-летие со дня смерти Чехова. Мой отец В.А. Образцов был секретарем комиссии по проведению мероприятий, связанных с этой датой, и снял копию с этого документа. В 1968 году я неожиданно обнаружила эту копию в небольшом архиве отца и передала ее Литературному музею.

Письмо было адресовано директору музея М.М. Андрееву-Туркину до его ареста. (Примечание Н. Образцовой)

А.Н. Сурат
Ростов-на-Дону, Мало-Садовая, 11, кв. 14.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧЕ С АНТОНОМ ПАВЛОВИЧЕМ ЧЕХОВЫМ

В апреле месяце 1887 года я проживал в Новочеркасске.

Обстоятельства сложились так, что мне пришлось на время уехать отсюда и пережить где-нибудь временно. Дело состояло в том, что к 6-му мая ожидался приезд в Новочеркасск царя Александра III с наследником для вручения ему по обычаю атаманской булавы.

По этому случаю в Новочеркасск понаехало много полиции всех видов, и тайной, и явной, жандармерии и охранников, начались усиленные аресты всех мало-мальски внушающих подозрения в политической неблагонадежности. Я в то время был лишен возможности получить откуда бы то ни было паспорт... Остаться в таком положении в Новочеркасске значило бесспорно быть арестованным. В таком безвыходном положении я решил отправиться в Святогорский монастырь Харьковской губ. Прибыв туда в конце апреля, я прожил дней десять, до 7 мая. К 9 мая - престольному празднику в одной из церквей - туда съехалось громадное количество сверх 10 000 богомольцев. Теснота в помещениях для богомольцев, а особенно в помещениях для беднейших классов, получилась ужасающая...

Я отправился к игумену монастыря, рассказал ему о своем безвыходном положении и просил разрешения остаться еще на некоторое время в монастыре. Игумен послал со мной своего келейника к монаху-гостинику с приказанием дать мне место. Получив такое приказание от игумена, гостиник сразу переменил тон и повел меня в так называемое дворянское отделение, где ввел меня в один из номеров и, обратившись к находившемуся там человеку (впоследствии оказалось, что это был покойный незабвенной памяти Антон Павлович), сказал: «Ну, вот вам сожитель» и ушел».

Очутившись наедине с незнакомым человеком, я страшно смутился и стал неуверенно около дверей, не зная, что делать дальше и куда положить мой малюсенький уголок. Незнакомец, видя мое смущение и нерешительность, заговорил со мной очень приветливым тоном и посоветовал как устроиться. Он сказал мне, что он доктор и приехал посмотреть Святые горы и окружной сосновый лес, как место для дачной жизни.

Не знаю хорошо, благодаря ли моей потребности отвести с кем-нибудь, благодаря ли необыкновенному теплому тону его разговора и терпимости, с которой он выслушивал меня, ласковости его обращения, но в тот вечер я рассказал ему о себе все пережитое, поделился как с родным всеми своими горестями, сомнениями и надеждами.

Я как-то сразу почувствовал к Антону Павловичу (в дальнейшем буду его называть по имени) доверие, как к близкому родному. Что он писатель, об этом я не имел ни малейшего понятия, и он ничего не сказал об этом.

В гостинице монастыря была книга, в которую каждый записывал сведения о себе. Антон Павлович записался врачом. На другой день случился эпизод, который неизгладимыми чертами врезался мне в память и всю жизнь вспоминался и теперь вспоминается, как будто это случилось вчера. Приходит монах-гостиник и обращается к Антону Павловичу со словами: «Доктор, у нас собралось много больных богомольцев. Не будете ли вы настолько добры, пойти посмотреть на них? Может, поможете чем-нибудь».

Антон Павлович тотчас же согласился пойти и, обратившись ко мне, сказал: «Пойдемте со мною, может, поможете перевязки делать». Гостиник повел нас в низко помещение при гостинице для бедных, где на нарах вповалку лежали больные богомольцы. Входя, он сказал: «Ну, вот вам доктор» - и сам ушел. Среди больных большинство было женщин. Каждая из них стала спешно, перебивая друг друга, рассказывать о своей болезни. Тогда

Антон Павлович стал среди комнаты, простер свои руки и сказал: «Погодите, я вам расскажу сейчас, как называются ваши болезни» - и, обращаясь к одной, сказал: «Твоя болезнь называется 400 верст пешком», к другой: «Твоя - 600 верст пешком», - и к третьей: «Твоя - 800 верст пешком». После этого стал делать перевязки...

На другой день после описанного эпизода мы гуляли по кладбищу. Я как-то нечаянно зацепился ногою за камень и оторвал себе подошву башмака, чем был чрезвычайно огорчен. Антон Павлович с большой чуткостью, в очень деликатной форме, видимо, боясь обидеть меня, сказал, что у него в чемодане имеются полуштилеты, которые он почти не носил (хорошо помню, что он сказал, что заплатил за них 9 руб.), и что если я ничего не имею против, он подарит их мне.

Эти два эпизода ярко рисуют всю доброту Антона Павловича, его великую любовь к людям и его необыкновенно нежную душу.

Это был в мае 1887 года, а в августе 1889 года один мой хороший знакомый в Новочеркасске пошел к инспектору народных училищ, покойному О.Г. Кашменскому, просить, чтобы он дал мне место учителя, причем рассказал ему вкратце мою биографию. Последний сказал ему, что сейчас только прочитал рассказ молодого писателя Чехова под названием «Перекасти-поле», при чем рассказал ему краткое содержание рассказа. Хлопотавший за меня, хорошо зная мою жизнь, сейчас же узнал, что в этом рассказе говорится обо мне, о чем и сказал инспектору, который тут же дал слово назначить меня на должность учителя, и с 1 сентября 1869 года назначил меня помощником учителя в Нижнее-Чирское приходское училище.

Таким образом, Антон Павлович сыграл большую роль в моей жизни. Спустя некоторое время я достал книгу и сам прочитал этот рассказ...»

В этих воспоминаниях, написанных живо и непосредственно, раскрыты какие-то новые черты характера Чехова. Члены редакционной коллегии по изданию нового 30-томного собрания сочинений А.П. Чехова сочли воспоминания А.Н. Сурата ценным документом. Ссылка на этот рассказ дана в 6 томе данного собрания, в комментариях к рассказу.